

Глава 20. Непредвиденные перемены

Цинь Цзуйкуан медленно вышел на самую середину помоста. Старейшина Цзюэ, бросив на него мимолётный взгляд, провозгласил:

— Решение принято. Технику Поиска Души проведёт распорядитель внутренней секты, старейшина Лэн.

В ту же секунду с одного из почётных мест поднялась фигура в строгом халате.

— Обещаю: я буду беспристрастен и не приму ничью сторону. Особенно сторону Пика Алхимии! — старик холодно усмехнулся.

Мастер Даньхао от ярости почернел лицом.

— Да кому нужна твоя помощь?! — выплюнул он, едва сдерживая негодование.

«Старейшина Лэн? Только не он!»

Услышав имя того, кто примется за Поиск Души, Линь Яньюй почувствовал, как сердце сжала ледяная хватка дурного предчувствия. Внутри всё кричало от желания остановить это безумие, но он не мог издать ни звука. Он хотел умолять Мастера Даньхао о вмешательстве, но он не мог даже пошевелить шеей.

Оставалась надежда лишь на Жэнь Цинъи.

Линь Яньюй, чьи глаза налились кровью от напряжения, вперил яростный взгляд в человека, сидевшего в самом центре — Главу секты.

«Умоляю, Жэнь Цинъи, не давай Лэну касаться его разума!»

Почувствовав на себе этот тяжёлый, почти осязаемый взгляд, Жэнь Цинъи едва заметно нахмурился. Он уловил бурю негодования и скорби в глазах юноши. Линь Яньюй, поняв, что на него обратили внимание, мгновенно сменил гнев на мольбу. Его взгляд стал мягким, почти жалким.

Тень сомнения промелькнула на лице Главы. Он помедлил мгновение, и как раз в тот момент, когда старейшина Лэн направился к Цинь Цзуйкуану, Жэнь Цинъи поднял руку.

— Погоди.

Старейшина Лэн замер на полпути.

— Глава? Есть какие-то проблемы?

Жэнь Цинъи ещё раз взглянул на Линь Яньюя и, получив в ответ безмолвное подтверждение, заговорил:

— Техника Поиска Души требует колоссальных затрат энергии. Боюсь, это может дурно сказаться на твоём совершенствовании, старейшина Лэн. К тому же этот ученик внешней секты обладает неплохим характером, и я хотел бы сохранить ему жизнь. Пусть технику проведёт другой человек. Я гарантирую — он будет абсолютно беспристрастен.

Старейшина Лэн недовольно хмыкнул — такая опека пришлась ему не по нраву, — однако спорить не осмелился.

— И кого же Глава прочит на эту роль? — с трудом сдерживая раздражение, спросил он. — Здесь все, кроме вас, пребывают на стадии Зарождающейся Души. Результат будет тем же.

Жэнь Цинъи остался невозмутим. Он подозвал стоявшего рядом ученика и негромко скомандовал:

— Ступай и пригласи Предка Лие.

При этом имени старейшина Лэн мгновенно прикусил язык и, поджав хвост, поспешно вернулся на своё место.

— Предок Лие?

— Глава готов потревожить его покой ради какого-то безродного мальчишки?

— Похоже, Глава Жэнь действительно печётся о Линь Яньюе!

— Говорят, Предок уже почти достиг стадии Пронзающей Пустоты...

Слушая перешёпоты старейшин, Линь Яньюй лихорадочно вспоминал сюжет оригинального романа. Предок Лие — один из двух «живых ископаемых» секты Сяньюй. Его мощь действительно граничила с Пронзающей Пустотой, но характером он разительно отличался от другого затворника — Предка Лисюаня. Лие терпеть не мог тренировки и медитации. Большую часть времени он проводил, распивая вино, распевая песни или просто бродя по окрестностям в полубезумном состоянии.

В книге, когда секту Сяньюй уничтожали, Предок Лие из-за своей тяги к хмельному выпил отравленное вино врагов. Лишившись сил и получив тяжёлые раны, он не смог защитить школу и, не вынеся позора и раскаяния, покончил с собой прямо на руинах родных стен.

Линь Яньюй всегда удивлялся, зачем автор превратил могущественного мастера в столь нелепого шута. Ему было жаль старика, но сейчас это играло на руку — Лие был куда надёжнее коварного Лэна.

Услышав, что Поиск Души откладывается, Цинь Цзуйкуан едва заметно выдохнул. Его напряжённое тело немного расслабилось, хотя он так и не решился обернуться, лишь крепче сжал кулаки. Линь Яньюй смотрел на его упрямую спину, и к горлу подступил комок. «Ведь он тоже напуган до смерти, верно?»

Ждать пришлось недолго. Внезапно раздался голос — чистый и звонкий, точно колокольчик, какой бывает лишь у маленьких детей. Он казался далёким, как эхо в горах, и одновременно звучал у самого уха.

— О-хо-хо-хо! Малыш Жэнь, зачем это ты звал старика?

Линь Яньюй вздрогнул. Неужели этот Предок Лие — ребёнок?

Все старейшины разом поднялись со своих мест и склонились в глубоком поклоне:

— Приветствуем Предка!

Линь Яньюй хотел было последовать их примеру, но Жэнь Циньи так и не вернул ему власть над телом. Напротив, невидимое давление Главы заставило его согнуться в поклоне против воли.

Густой винный аромат внезапно наполнил Зал наказаний. Он был настолько концентрированным, что превратился в едва видимую дымку из чистой духовной энергии. Вдохнув её, Линь Яньюй почувствовал прилив сил — казалось, даже его застоявшаяся энергия пришла в движение.

Из белого тумана неспешно вышел мальчуган с огромной тыквой-горлянкой за спиной. Его фигура казалась зыбкой, точно видение, а черты лица — расплывчатыми, как в тумане.

— Вольно, вольно. Ну и суета здесь! Мне-то одному скука смертная, знал бы — давно бы пришёл поглазеть!

Мальчишка звучно чихнул и резко втянул воздух. В одно мгновение весь белый туман, заполнивший зал, исчез в его лёгких.

— Пр... Пред... — в зал вбежал запыхавшийся ученик Жэнь Цинъи, не в силах вымолвить и слова.

Глава секты указал на Цинь Цзуйкуана и кратко произнёс:

— Прошу вас, Предок, провести Поиск Души. Постарайтесь сохранить жизнь этому ученику. Нам нужны его воспоминания о времени, проведённом во внешней секте.

— О-о, это я мигом.

Предок Лие с любопытством направился к помосту. Он остановился перед Чэн Хуном и Чэн Жуюем, окинул их беглым взглядом и брезгливо поморщился:

— Крысиные морды, чёрные души. Неинтересно, никакой в вас изюминки.

Братья заверещали, точно резанные свиньи:

— Предок, помилуйте! Это клевета!

Старик лишь покачал головой, и крикуны тут же смолкли, словно невидимая петля захлестнула их горла.

Затем он обошёл Цинь Цзуйкуана, хихикнул и бесцеремонно ткнул пальцем в плечо Линь Яньюя.

— Ой-ой, а это что за деревянный истукан? Любопытно! Малыш Жэнь, видать, знатно тебя опекает. Дай-ка угадаю: ты и есть тот самый гений Линь Яньюй, о котором все твердят?

«Старик, ты и впрямь прозорлив! Видишь же, что я пошевелиться не могу — так сними это проклятое давление!» — Линь Яньюй не мог сфокусировать взгляд на лице мальчишки, поэтому просто смотрел на него с нескрываемой мольбой.

Предок Лие лишь усмехнулся и снова повернулся к Цинь Цзуйкуану. Помолчав немного, он озадаченно пробормотал:

— Обычный уровень Закалки Основания, талант посредственный... И ради такого звали меня? Впрочем... есть в тебе что-то эдакое!

Едва он договорил, как взмыл в воздух. Огромная горлянка за его спиной взлетела к самому потолку, и из неё хлынуло вино. Жидкость не падала на пол, а растекалась по воздуху, образуя гигантский сияющий экран.

— Поиск души, созерцание памяти... Обожаю такие штуки! Ну же, старик сегодня добрый, разделю это удовольствие со всеми вами! О-хо-хо-хо!

Лиэ вскинул правую руку, и из его ладони вырвался поток ослепительной энергии. С высоты он обрушился прямо на макушку Цинь Цзуйкуана, мгновенно проникая в его море сознания. Яркий свет окутал юношу, превращая его в светящийся кокон.

Линь Яньюй перестал видеть Циня и от страха почти забыл, как дышать. «Старик Лиэ, прошу тебя, будь осторожен! Только не погуби его!»

— Гх-а-а!..

Глухой стон боли донёлся из кокона. Это был голос Цинь Цзуйкуана.

«Ему больно? Ему ведь ужасно больно, да?»

Слеза скатилась по щеке Линь Яньюя. Он ненавидел проявлять слабость, но сейчас просто не мог сдержаться. Цинь Цзуйкуан был кремнем — сколько бы ран он ни получал раньше, он никогда не издавал ни звука. И если сейчас он закричал... Линь Яньюй боялся даже представить, какой невыносимой была эта пытка для разума.

«Не умирай. Прошу тебя, только не умирай...»

Пока толпа замерла в ожидании, Предок Лиэ взмахнул левой рукой. На винном экране в небе начали проступать зыбкие тени воспоминаний.

Линь Яньюй поднял голову и... остолбенел. Каждое мгновение, запечатлённое на экране, каждая сцена — везде был он. Линь Яньюй, блистательный гений Пика Алхимии.

Толпа внизу ахнула. Спокойное море людских голосов взорвалось изумлением.

— Небеса, почему в голове младшего брата Циня одни воспоминания о Линь Яньюе?!

— Смотрите! Слева — это же тот день, когда старший брат Линь вступил во внутреннюю секту! А сверху — битва с Вратами Священной Дани!

— Ой, смотрите справа! Там брат Линь наносит мазь на раны Циня... Погодите, а почему младший брат Цинь так опустил голову? Он что...

Увидев знакомые кадры, Линь Яньюй едва не сгорел от стыда и ярости. «Да что за чертовщина?! Почему это показывают всем, точно на площади? Старик Лиэ, ты что, совсем

сдурел?! Ты память ищешь или личную жизнь разглядываешь?!»

Старейшина Цзюэ тоже увидел эти образы. Поняв, что дело принимает неловкий оборот, он поспешно прошептал, глядя вверх:

— Предок, это не то! Ищите воспоминания из внешней секты!

— Ой, виноват, осечка вышла! — хохотнул Лие и мгновенно сменил поток памяти.

На экране возникли серые пейзажи внешней секты. Поначалу всё было буднично: скудные постройки, суета учеников. Но вскоре картинка дёрнулась, и появились Чэн Хун и Чэн Жуй.

Они вальяжно расхаживали по территории, грабя незащищенных учеников и забирая их сумки. Порой, заметив симпатичное лицо, они распускали руки, грязно ухмыляясь и творя непотребства прямо на глазах у всех.

Затем камера памяти запечатлела их встречу с Цинь Цзуйкуаном. Тот отказался подчиниться, и за это его осыпали градом пощёчин, после чего привязали к каменному столбу и начали жестоко избивать плетью.

Постепенно лица Чэн Хуна и Чэн Жуй начали расплываться, и экран погрузился во тьму.

Правда всплыла на поверхность — неоспоримая и сокрушительная.

Ученики внизу, осознав, кто истинный виновник, разразились гневными выкриками. На помосте Чэн Хун и Чэн Жуй рухнули на колени, не в силах вымолвить ни слова в своё оправдание.

Но трансляция не прекратилась. Напротив, от первого лица начали проявляться ещё более жуткие вещи.

Во тьме возник тусклый огонёк свечи. Мрачный угол внешней секты, неприметный домик, в котором, казалось, было полно людей.

Ближе... Память осторожно подкрадывалась к стене, заглядывая внутрь. Картинка начала увеличиваться, обретая пугающую чёткость.

Весь зал затаил дыхание. Что же они увидели?

Внутри двора находилась толпа обнажённых учеников внешней секты — и юношей, и девушек. Все они были на редкость миловидны. Кто-то был привязан к столбам, кто-то лежал на земле;

их тела были выкручены в причудливых, унижительных позах.

А люди перед ними — те, кто стоял, попирал их ногами и издевался — все они носили бледно-голубые халаты с узором плывущих облаков. Одежния внутренней секты.

Ученики внутренней секты вели себя как безумцы: на их лицах застыла похоть и жестокость. Они использовали самые разные инструменты и магические приёмы, безжалостно терзая несчастных, лишённых всякой возможности защититься.

Один из мучителей создавал на кончиках пальцев маленькие язычки пламени и с безумным хохотом прижигал нежную кожу жертвы.

Другой использовал странного вида артефакты, методично нанося увечья беззащитным телам.

Третьи, не ограничиваясь избиениями, сговорились и начали глумиться над учеником, зажав его между собой.

Некоторые из их действий и вовсе переходили границы человеческого воображения...

Ученики внешней секты захлёбывались слезами, кричали от боли и молили о пощаде, на грани полного безумия. Но их палачи не знали жалости. Они действовали так, словно были богами, вольными распоряжаться жизнями низших существ, считая свои зверства едва ли не милостью к «червям».

Тёмная сторона человеческой природы на этих кадрах предстала во всём своём безобразии, точно демон, пожравший всё светлое и доброе.

Старейшины в зале разом вскочили со своих мест. Глядя на происходящее, они содрогались от гнева и омерзения.

— Как это возможно?! Неужели эти выродки — наши ученики?!

— Этим тварей нужно лишить сил и выставить на позор перед всей сектой!

Линь Яньбой смотрел на истерзанных учеников, и сердце его обливалось кровью.

«Кружочки»... Эти люди, ставшие жертвами насилия, и были теми самыми «кружочками», о которых с такой горечью говорил страж стелы...